

Гномическая воля и нарратология

*Феокистов А. А., студ. III к. БГУ,
науч. рук. доц. Камлюк-Ярошенко Л. В., канд. филол. наук*

Понятие гномической воли восходит к учению преподобного Максима Исповедника, который противопоставляет ее воле естественной, природной. При этом естественная воля ассоциируется со свободой в привычном ее понимании, тогда как гномическая – со свободой выбора [1, с. 19]. Человек, по Максиму Исповеднику (в отличие от Бога, воля которого всегда направлена к Абсолютному Благу), способен выбирать между добром и злом, между тем, потакать ли своей природной воле в том случае, когда она побуждает к греху, или воспротивиться.

Семантика гномической воли может быть расширена: понятие применимо не только в рамках системы христианской нравственности, но и как общеэтическая категория, имеющая дело с любым базисом моральных предпосылок, принимаемых конкретным индивидом или обществом. В таком случае феномен гномической воли имеет свое преломление в сфере нарратологии, которое, на наш взгляд, реализуется как минимум в двух аспектах.

Во-первых, данное преломление можно рассматривать как составляющую начальной стадии генезиса наррации. В четырехуровневой модели порождения повествования, предложенной В. Шмидом, процесс отбора нарративной информации происходит на этапе перехода от первичного состояния «событий», которое есть «совершенно аморфная совокупность ситуаций, персонажей и действий, содержащихся так или иначе в повествовательном произведении (т. е. эксплицитно изображаемых, имплицитно указываемых или логически подразумеваемых)» [2, с. 158], к самой истории непосредственно. Выделяя в ходе наблюдения за данным переходом категорию гномической воли, исследователь может более качественно установить характер идеологизации текста, формирующейся в ходе событийного отбора.

Так, в данных категориях может быть рассмотрена дифференциация жанрового и сверхжанрового, сугубо авторского кода в художественном произведении. Жанровое в таком случае, как уже определенный формат, будет являться преломлением естественной воли, а индивидуальное наслоение – гномической. Создатель текста, действуя в русле определенного течения/направления/школы, подразумевающих в свою очередь те или иные устоявшиеся формы, совершает идеологизированный выбор: где следовать «традиции», а где нет.

Например, в своем «Житии» протопоп Аввакум, следуя одним составляющим житийного канона (самоуничижительная форма в начале, дидактические формулы, обращенные к читателю, и т. д.), кардинально нарушает другие (например, чрезмерным психологизмом, в том числе и использованием

брани, а также самим фактом написания жития о самом себе). В данном случае чисто нарративный отбор «событий», обуславливающий отклонение от уже существующих жанровых рамок, имеет под собой и этические основания – это и противостояние официальной Церкви (антиниконианство), и свойственное переходной исторической эпохе стремление к большей персонализации личностной позиции и повествования.

Во-вторых, категорию гномической воли логично рассматривать в связи с нарративной диегетичностью, то есть включенностью повествователя в собственный рассказ в функции действующего лица. В отсутствие фигуры всезнающего автора «над миром», говорящего в третьем лице, разделение диегетического повествователя на «я-повествующее» и «я-повествуемое» приходится исключительно на сферу сознания, потому как они «связаны физическим и психологическим единством» [2, с. 95]. При этом повествовательная саморефлексия является результатом действия гномической воли над естественной волей «я-персонажа» – последний становится объектом под действием взора, «выбирающего» «я».

Возникающее при этом идеологизированное искажение «я-повествуемого» под действием гномической воли диегетического нарратора очевидно. Характерный пример – трилогии «о детстве» в русской литературе (Л. Н. Толстой, М. Горький, Э. Лимонов и др.). Этическое наращение авторов-повествователей по сравнению с «собой юным» неизбежно влияет на характер изображаемого мира, а именно – на природу расставляемых в нем акцентов. Так, у М. Горького это может быть связано с желанием подчеркнуть «рабочую» специфику окружения, у Л. Толстого – с тоской-рефлексией уже взрослого человека о ранней потере матери, а у Э. Лимонова – со стремлением показать читателю времен перестройки светлый образ утраченного государства («У нас была великая эпоха» (1989)).

Таким образом, категория гномической воли, соединяя в себе одновременно и принцип формального отбора повествовательного материала, и его идеологизацию (подчинение определенной нравственной системе), является синкретичным явлением на границе между нарратологией и этикой, или же, при использовании первичного значения термина, – нарратологией и богословием.

Литература

1. Воробьев, Д. В. Учение святого Максима Исповедника о гномической и естественной волях / Д. В. Воробьев // Вестник Мининского университета. – 2017. – № 2 (19). – С. 18–25.
2. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.